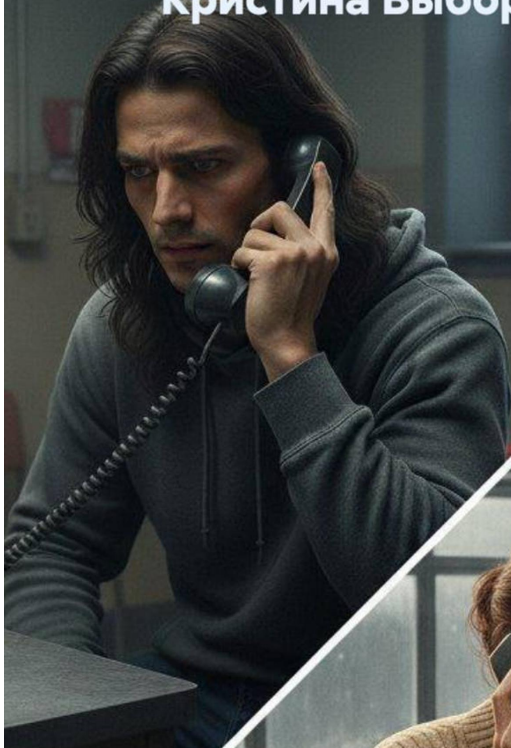

Кристина Выборнова

На слуху

Кристина Выборнова
На слуху
Серия «Расследования
Колина Розанова», книга 5

<https://litres.ru/73235782>

SelfPub; 2026

Аннотация

У капитана Розанова - полоса неудач. Дети отвлекают от работы дурацкими просьбами, жена - обидами, а ценный осведомитель чуть не отдает богу душу из-за его, Колина, ошибки. И, как будто этого мало, Розанову приходится расследовать неожиданное дело, в котором он не видит ни жертвы, ни преступника, ни где они находятся, а из всех средств воздействия у него есть компьютер с интернетом и телефон...

Содержание

Глава	4
Конец ознакомительного фрагмента.	24

Кристина Выборнова

На слуху

Глава

Я, как шутил иногда Женек, никогда не мог в своей жизни пожаловаться на отсутствие проблем. Однако проблемы эти были почти всегда связаны с эмоционально-личной сферой, а еще точнее, с моей дурной башкой. Сестрица, походив к психологу за бешеные бабки и прочитав парочку скачанных из интернета книжек типа «Двести простых способов исправить все», как-то в телефонном разговоре с удовольствием заявила мне:

- У тебя, братец, смещена самооценка. В личной жизни ты считаешь, что ничьей любви не заслуживаешь, а на работе, наоборот, думаешь, что у тебя что угодно получится.

- Так ведь это правда, - возразил ей я. - Профессиональная сфера — это то место, где я знаю, что и как делать, в отличие от личной, вот и все. И нечего мне приписывать какой-то там перелом самооценки со смещением...

Однако и на мою профессиональную уверенность встрелась проруха, и однажды произошел эпизод, который поверг меня самого в уныние и заставил крепко задуматься:

возможно, еще не поздно сдать полномочия и пойти работать в ближайший «Макдональдс», который будет мне в самый раз по развитию.

День, когда это все случилось, с самого утра с полным правом мог носить название «роковой». Суетня и нервозность преследовали меня с той секунды, когда я переступил порог отделения. Все куда-то убегали, но перед побегом чего-то срочно от меня хотели, а я в ответ убегал от них или вяло отлаивался. В качестве апофеоза чудесного денька как раз за минуту до выхода с работы (мне нужно было забрать Нинку с Олегом из детсада, поскольку Ксюшка болела), меня выловил взъерошенный и охрипший Вовочка и прогнусил, что я должен в семь встретиться с нашим штатным осведомителем по тягомотному делу, связанному с наркотиками. Мы должны были пересечься на пустыре за чертой города, осведомитель меня в лицо не знал, но ему надо сказать кодовые слова.

С оными словами мне сунули бумажку: я глянул на них и забыл еще раньше, чем закончил читать. Как всегда, что-то придурочное и неестественное, из разряда «розовый слон дудит в колокол по четвергам». Ладно, по бумажке и прочту.

Решив это, я покивал Вовочке, помахал ему же и побежал в направлении детского садика, поскольку времени у меня осталось, учитывая порядочные концы, которые надо было сделать, хрен да маленько.

Но, как всегда, когда в дело вмешивался детский садик, все оказалось не так просто. Провожать моих детишек вы-

шла какая-то из воспитательниц, имени которой я изначально не запомнил, чтобы не грузить голову лишней информацией, а про себя называл ее Шмакодявкой из-за субтильного телосложения и писклявого голоса. Пока я впихивал детей в толстую осеннюю одежду, она торчала рядом и верещала какую-то ересь про поделки из веточек, травки и прочего мусора, которые надо будет куда-то там принести.

- Ладно-ладно, хорошо, принесем, - согласился я, не вслушиваясь. - Мы пошли.

- Еще нужно разучить песню на день матери! - перегородила мне дорогу Шмакодявка. - Нина пообещала, но не выучила, а Олежек выучил, но стесняется выступать, вы с ним потренируйтесь...

- Хорошо, потренируемся, - я с тоской посмотрел на недоступную входную дверь, потом перевел взгляд на Шмакодявку и стал прикидывать, как отодвинуть ее с дороги, не наравшись на скандал. Шмакодявка, как заведенная, бубнила:

- А еще нужно сдать деньги, потому что дополнительные расходы, и Марина Анатольевна сказала, что...

- Нате, - сказал я, не дослушав, и, поковырявшись в кармане, вложил ей в руку три тысячи. - Мы пошли.

- Так только две тысячи пятьсот надо, подождите, я разменяю...

- Нет-нет, оставьте себе на чай! - гаркнул я тоном, уже идущим вразрез с моим радушным предложением. - Честное слово, мы опаздываем! До свидания!

следников. Наше движение сопровождали равномерные звуки «а-а-а-а» и «ы-ы-ы-ы», зверские всхлипывания и периодический визг. Нинка просто сердито орала, но хотя бы переставляла ноги, а вот Олег попытался было упасть на землю в знак протеста, но я просек его намерение и тычком в спину придал ему хорошего ускорения, с которым он, как ракета, благополучно влетел в дверь подъезда. Нинка, как более старшая и разумная, посмотрев на это, прекратила вопить и вошла куда надо сама.

Но все равно, конечно, в квартиру детишечки явились, утопая в соплях и гундося уже с порога длинные неразборчивые жалобы. На шум выбежала встревоженная Ксюшка с блестящими глазами, закутанная шерстяным шарфом.

- Что такое, что случилось? - выговорила она сквозь кашель.

Олег выпрямился, как повстанец перед расстрелом на небезызвестной картине. Он перестал рыдать, и его влажные глаза лишь выражали ужасное горе и отчаяние, достойное жертвы фашистского режима. Нацелив на меня палец, сынуля очень раздельно произнес:

- Он. Не. Дал. Нам. Набрать... Листиков!!!

- Мне некогда, у меня там осведомитель стынет, завтра наберут, - попытался я пресечь одной фразой все возможные Ксюшкины претензии. Не тут-то было, она зашла с другого бока:

- Ну и что, что осведомитель?! Обязательно нужно было

так доводить детей?! Вон, даже Нина вся зареванная!

- Просохнет. Я свое дело сделал, в конце концов: ты сказала, их забрать, так я и забрал. О листиках и прочих прибавках мы не договаривались, - это сообщил я уже из комнаты, сидя к жене спиной перед тумбочкой, откуда выкапывал ключи от машины.

- Да-да, конечно! - хрипло занудила она из коридора с гнусаво-истеричными нотками, словно еще один противный ребенок. - Уйди еще подальше, зачем тебе на меня смотреть, когда ты со мной разговариваешь! Вообще иди в другую комнату и говори оттуда, а то ты недостаточно показал, насколько тебе на нас всех чихать!

- Аааа... Ыыыы... Листики... - поддали атмосферы дети.

Я выкопал, наконец, ключи, и совершил желаемое Ксюшкой действие: то есть прошел в коридор и повернулся к ней лицом. Боюсь только, на этом самом лице она ничего хорошего не увидела, потому что почти тут же я заорал на нее в лучших традициях Карги:

- Да вы все охренели, что ли? Рты себе заклейте своими листиками! А ты отвяжись от меня к чертям собачьим со своими претензиями и не вякай мне под руку!

Дети проявили благоразумие: они разом умолкли, обежали меня и, как испуганные ежи, укатились куда-то в комнату. Ксюшка тоже молчала, глядела на меня исподлобья и тербила шарф, а глаза ее быстро, будто их кто-то накачивал насосом, заполнялись слезами. Наконец она всхлипнула, по-

пыталась из себя выдавить какие-то слова, отвернулась, судорожно бросилась в ванную и захлопнула за собой дверь. Через пару секунд там зашумела вода, и сквозь нее слышались кошмарные задыхающиеся рыдания. От них у меня тут же у самого сдавило в груди, и я завис перед дверью, абсолютно не зная, что делать. Так у нас бывало и раньше: я, когда мне было некогда задумываться и разводить политес, гаркал что-нибудь грубое на повышенных тонах, в том стиле, в каком привык общаться с сестрицей. Но если с Оксанки все мои вопли скатывались, как с гуся вода, и реагировала она на них в стиле «утерлась и дальше пошла», то жена каждый раз очень болезненно воспринимала такое «братское» с ней обращение, начинала реветь и часто обижалась на несколько часов. Обычно я в таких случаях наворачивал вокруг нее сужающиеся круги и приносил многочисленные извинения, впрочем, вполне искренние, потому что совершенно не хотел такого эффекта, но сейчас жесткий хронометраж не давал мне даже времени на куцее раскаяние. Если я ей крикну сквозь воду что-нибудь в стиле «прости меня сейчас, потому что через пять минут я уйду», то сто процентов не достигну успеха: Ксюшке всегда нужно больше времени, чем мне, чтобы отойти... Ничего не поделаешь, попозже пошлю ей смс-ку: это все же лучше, чем ничего.

Решив все, что надо, и стараясь не слушать продолжающиеся за дверью ванной рыдания и не реагировать на них эмоционально, я вделся обратно в куртку и открыл дверь.

Из комнаты высунулся Олег: его лицо было не только заплаканным, но еще и перепуганным.

- Мама плачет, - сказал он тихо и вопросительно заглянул мне в глаза.

- Да, - согласился я. - А я уйду. Вернусь — тогда и разберемся, кто кому чего куда...

На слове «куда» я захлопнул дверь квартиры, повернул ключ, и, глянув на часы, галопировал вниз по лестнице.

Некоторый шанс успеть к осведомителю у меня был, но паршивый день еще не кончился, поэтому на пути мне стали попадаться мелкие заторы и дурацкие аварии, а окружающие водители поголовно ездил так, будто это не я, а они поссорились с женой и теперь с досады хотят совершить самоубийство. К тому же, то ли заглянул навигатор, то ли затупил я сам, но развязка, в которую я нырнул, оказалась не той, и пришлось пару раз вхолостую пропетлять по въездам-выездам.

Тем не менее, обозначенный как место встречи пустырь за стройкой я нашел. Уже издали, подъезжая, я заметил, что там стоит машина со слабо светящимися фарами, а возле нее переминается человек. Кажется, он глянул на часы и открыл машинную дверцу с явным намерением уехать: сейчас было, судя по приборной панели, уже 19:15.

Увидев это, я душевно поддал газу, зверски взревел мотором, пронесся на непогашенной скорости вперед, миновал его машину, спохватился и, вспомнив курсы экстремально-

го вождения, на которые нас всех по обязанности таскали, дернул ручник.

Машина сделала так называемый «полицейский разворот» и остановилась с пронзительным визгом. Инструктор по экстремальному вождению меня бы наверняка похвалил, а вот осведомитель что-то не впечатлился, напротив, еще быстрее полез в машину.

Я высунулся из дверцы, махнул ему рукой, зычно крикнул «да ты куда намылился, дебил?» и собрался докричать ему кодовые слова, но обнаружил что а: не помню самих слов и б: забыл место, куда запихал бумажку с ними.

Но осведомитель ждать меня совсем раздумал: он запрыгнул в машину и понесся вперед по узкой, неосвещенной и местами чуть обледеневшей деревенской дороге.

Вот же черт! Чего он испугался?! Собственно меня? Чего-то еще? Раздумал сотрудничать? К сожалению, на все эти вопросы можно было ответить, только догнав его, так что мне ничего не оставалось, как захлопнуть дверцу машины и тоже нажать на газ.

Гонки в таких условиях у нас получились преотменные. Что у меня, что у него, не хватало времени как следует маневрировать на дорожных извилинах. Он не падал в кювет потому, что у него было нечто типа джипа, и, видимо, полный привод, а я компенсировал некрутость своей машины постоянными подзаносами, которые устраивал, регулярно проезжаясь по обочинам. Самих заносов я не боялся и

умел из них выезжать без особых потерь: на моем переднем приводе достаточно было аккуратно поддать газу, но к цели, то есть к осведомителю, меня это не особо приближало. Он чесал впереди, не снижая бешеной скорости: мы друг за другом повернули на 90 градусов и оказались на еще более узкой дороге, да еще и уставленной ремонтными конусами. Он эти конусы посшибал, я между ними машинально пролабирывал, мы въехали на какой-то раздолбанный мост, и тут мой красавец вдруг дал по тормозам.

Меня от страстного поцелуя его зада спасла только очень хорошая реакция: недаром даже инструктор по экстремальному вождению ее в свое время похвалил, сказав: «Водите вы ужасно, ладно еще, у вас реакция хорошая, а то давно бы в гробу лежали». В общем, затормозить я успел, и хотя что-то завизжало и запахло жареной резиной, моя несчастная тачка остановилась в нескольких сантиметрах за его бампером.

Но на этом приключения не кончились. Паршивец вылетел из машины, сделал ручонки ласточкой и в чем был сиганул с моста вниз, где блестела черная вода.

Тут у меня снова не осталось другого выхода: потонет же, придурок жизни, в такой холодрыге! Я вылетел из машины и бодро запрыгал к краю моста на одной ноге, по ходу снимая с другой ботинок. Таким же способом я избавился от куртки, остановился на краю и увидел смутную голову, всплывшую на поверхность. Голова что-то булькала, но меня интересовало не это, а то, что, скорее всего, под мостом довольно

глубоко и можно прыгать. Все же на всякий случай я сиганул в воду солдатиком, чтобы, если что, сломать ноги, а не шею.

Глубина оказалась порядочной, а вода — ледяной. Кажется, даже зимой в проруби я купался комфортнее. Чтобы не трястись, я сразу перешел на кроль, подплыл к булькающей неподалеку башке и попытался подхватить ее под мышки, но башка вдруг принялась отбиваться и вопить: «Нет, нет! Помогите! Полиция!»

- Дебилоид, я и есть из полиции! - нежно плюнул я водой ему в ухо.

- ...Да? - булькнул он после нерешительной паузы.

- Конечно, блин! - я попытался притянуть его к себе, но он утек от меня вместе с холодным течением и прохрипел издали:

- Тогда покажите эти... ваши документы!

- Ты полный кретин, что ли? - поинтересовался я. - Ты еще у меня тут интервью возьми. Давай на сушу вылезем, там я тебе хоть марсианского слона покажу, но не здесь же!

- А тогда скажите... эти... - он из последних сил набрал воздуха. - Кодовые слова!

Пару секунд я сумрачно и молча колыхался рядом с ним в ледяной воде, не зная, смеяться мне или плакать. Но годы работы, к счастью, развили мою зрительную память, и особенно сильно это проявлялось в стрессовых ситуациях. Поэтому я вздохнул, протянул вперед руку, положив ее на плечо осведомителю, и сердечно произнес:

- Стюардесса Ирина потеряла веер. ...Полезли на берег, а?

Дальнейшее описывать было довольно печально. Остаток вечера мы провели, сидя в выжатой одежде и пытаясь согреться машинными печками. Нужными сведениями мы обменялись, но что меня, что его не оставляло чувство некоторой неловкости, как будто мы назначили друг другу свидание и только потом спохватились, что среди нас ни один не является женщиной.

Но хуже всего было не это, а то, что встреча записывалась на маленькую камеру в машине осведомителя, и видео с этой камеры он передал мне как отчет для Карги. Я, как говорится, «вместо тысячи слов» представлял себе лицо начальницы во время просмотра этого триллера, и честил себя последними словами. Хреновая работа, на твердую двоекку: опоздать, перепугать осведомителя диким появлением, да еще и забыть сказать первым делом кодовые слова... Ладно еще, сейчас ничего от этого не зависело, и мы просто развлекались. А если бы обстоятельства были другими? Если бы, в конце концов, река оказалась мелкой и осведомитель погиб? Тоже бы оправдывался, что долго детей из садика забирал и с женой поссорился? Такого непрофессионализма надо поискать...

Домой я вернулся часам к одиннадцати, ожидая много чего. Но меня вышел встречать только Тобик, да и тот только с один действующим глазом. Свет везде был потушен, дети спали в своей комнате, а в нашей, к моему облегчению, об-

наружилась Ксюшка. Она спала, закутавшись в шарф и простуженно сопя носом во сне, на своем обычном месте, и на кровати рядом с ней, против моего ожидания, не было возведено государственной границы и не лежали противотанковые ежи. То ли она решила простить меня заочно, то ли у нее по болезни не было сил на адекватный ответ Чемберлену. Затаив дыхание, я наклонился над ней и погладил по голове и щеке. Она в полусне протянула руку, тоже пощупала меня и пробормотала:

- Колин, это ты? Чего-то у тебя волосы мокрые...

- Купался, - пояснил я шепотом и тоже хлопнул носом, как она. Ксюшка заворчалась и подвинулась:

- Ты ложись...

Чувствуя себя от ее мирного и даже нежного тона в лучших православных традициях: то есть, недостойным грешником, я послушно улегся рядом с ней и немного повозился, пытаюсь пристроить левую ногу, которую от купания в ледяной воде начало нещадно тянуть и выламывать. Полусонная жена легла ко мне на плечо и превратилась в полностью сонную, у меня же сна почему-то не было ни в одном глазу. Воистину, иногда худшее наказание — это его отсутствие...

Чтобы хоть чем-то заняться, я принялся уныло водить глазами по комнате. Зрение немного приспособилось, темнота превратилась в серость, усеянную помехами, похожими на телевизионные. Сквозь эти помехи проступили стоящие на пианино две вазочки с очертаниями кленовых листьев.

Все-таки набрали... Неужели Ксюшка ребят одних выпустила? Да нет, вряд ли, наверняка, сама с ними сходила, в больном виде, и теперь, вот, хлопает... Как бы хуже не разболелась. А мне на десерт досталась одна единственная мысль: семьянин из меня отвратный, но и профессионал сомнительный, так что теперь даже оправдаться великими деяниями не получится. Мог бы с детьми и поприветливей поговорить. Мог бы вообще послушать, что они сказали. Мог бы, в конце концов, видя, что не успеваю, послать к осведомителю кого-нибудь еще. Это же не вопрос жизни и смерти, я сразу понимал... «Но тебе же не хочется вникать в какую-то скучную семейную жизнь, - проснувшись, ехидно проскрипел внутренний голос. - Тебе только праздник и взрыв эмоций подавай. Ты-то, конечно, в детстве листики и камушки не собирал, ты у нас, гений, сразу доклады на симпозиумы писал! Что тебе до состояния каких-то там жены и детей, когда нужно срочно искупаться в этой... как ее...»

Я вынул из-под одеяла мобильник, загрузил карту и выяснил, что река, в которой мы купались, называлась Моча. Это так хорошо вписалось в общую картину, что я даже не удивился. Внутренний голос тоже заткнулся, поскольку все сказал, а я приготовился не спать до рассвета и даже собрался было встать, но тут снова зашевелилась Ксюшка.

- Лежи, лежи, - бормотнула она, прижимаясь покрепче. - А листья это я Беньку попросила принести, не выходила я, не волнуйся... Извини, что привязалась, я знаю, как противно,

когда мешают в расследовании, просто я из-за этой болезни какая-то нервная и капризная стала...

Некоторое время я молчал, пытаюсь, довольно безуспешно, уверить себя, что она не умеет читать мысли. Потом, наконец, у меня получилось выдать полушепотом с легкими подвываниями, подозрительно похожими на Олеговы:

- Это я хотел перед тобой извиняться, зай. Я тебя люблю...

Ксюшка снова зашевелилась и даже приподняла голову: видимо, мой трагический тон ее удивил. Она прошептала:

- Да ладно тебе, ну чего ты так расстраиваешься. Я и сама часто воплю, когда куда-то опаздываю, все нормально, честное слово.

- Ага, - согласился я уныло и пригреб ее к себе, решив не пояснять, что меня повергло в такое уныние на самом деле. Все равно завтра выслушивать пропесочку от Карги...

Карга меня не разочаровала: увидев запись с камеры, она схватилась за остатки волос, некоторое время смотрела на меня так же приветливо, как смотрят на домашнего кота, напрудившего в углу, после чего набрала воздуха и начала орать. Впрочем, ничего нового она не сказала, из того, что я сам себе не говорил, разве только выражалась пообиднее и задавала вопросы.

- Зачем вы прилетели на место встречи с такой скоростью? - шипела она. - Вам негде было полихачить?

- Я опаздывал.

- И что, разогнавшись в самом конце, вы сильнее успели?

- съехидничала начальница. - Посмотрите вот на записи, как это выглядело со стороны осведомителя, что вы творите, и включите голову хоть раз: на пустырь вдруг врывается какая-то машина, делает полицейский разворот, из нее выскакивает какой-то непонятный тип с выпученными глазами и орет на чем свет стоит. Вы еще удивляетесь, что он от вас в речку прыгнул? Кстати, зачем вы еще и сиганули за ним? Если бы там было мелко, вам некому даже было бы оказать первую помощь!

- Да нет, я, конечно, глянул, прежде, чем прыгать: смотрю — плавает, ну тогда я тоже...

- Я думала, Розанов, что у вас хоть с рождением детей голова включится, - печально сказала Карга, снижая тон. - Что прошли времена, когда вы исчезали без предупреждения на две недели, лезли, где не закреплено, прыгали с любой высоты, получали потом травмы и лежали по больницам...

- Не так уж много я и лежал, вообще-то...

- Я думала, у вас появится хоть какая-то ответственность перед близкими людьми, - не слушая, продолжала заведенная Карга, - но, я смотрю, я понадеялась зря: положиться на вас невозможно, вы как маленький ребенок, только отвернешься — сразу хулиганите. Как мне надоело за все отвечать одной в этом дурдоме!!! - неожиданно заорала она, задрала голову к потолку, закашлялась, отодвинула меня локтем и ушла.

Находящиеся рядом работники посмотрели на меня с

удивлением: обычно такого поведения я начальству не спускал, возражая и вякая на каждое слово, но сейчас я был с Каргой скорее согласен. Похоже, время экспромтов, которыми я по молодости лет успешно брал высоты в своей профессии, подошло к концу. Не все, блин, можно решить беготней, суетой и чередой необдуманных поступков, которые каким-то чудом, по стечению обстоятельств, приводят к более-менее нужному результату. Вот искупался я в этой речке с неудобосказательным названием, и пожалуйста: с утра хожу, как на костылях, нога ноет и аж подволакивается. Вот не сможешь везде бегать и лазить, дебил, как будешь расследовать? По-другому-то слабо, не Ниро Вульф-то, чай...

Запихивать себя под самый низ плитуса мне никто не мешал: коллеги расплзлись по своим делам, нынешний день был не чета вчерашнему, сонный и неторопливый. В конце концов мне тоже надоели внутренние монологи, я глянул на часы и с неохотой вспомнил, что надо позвонить в местную дежурку своему знакомому, капитану Ивашкину, узнать результаты осмотра одного из мест преступления.

Телефон дежурки не отвечал, мобильник Ивашкина — тоже, но это неудивительно: капитан, будучи брюзгливым пожилым хрычом, не верящим в научно-технический прогресс, часто сам его выключал. По-любому выходило, что легче сбродить в дежурку ногами, все равно она находилась на соседней улице.

Я подобрал куртку со стула, натянул ее и поплелся туда,

куда сам себе сказал.

Моросил дождик, стояли густые серо-фиолетовые сумерки. Здание дежурки, еще более трешовое и обшарпанное, чем здание нашего отделения, кособоко высилось на фоне неба, слабо подсвеченное желтоватыми фонарями. Для полноты атмосферы ему не хватало по бокам подъезда только горгулий с высунутыми на полметра языками...

Внутри оказалось не живее, чем снаружи: свет еле горел, стойка непосредственного дежурного была пуста, телефон уныло смотрел на меня грязными пластиковыми кнопками. Какая-то жизнь, кажется, все-таки шла, но в самых глубинах здания.

Я прислушался, пошел на звук по продавленному линолеуму коридора, и, приоткрыв одну из дверей, нашел полный кабинет веселых нетрезвых людей. Судя по всему, работники дежурки отмечали чей-то день рождения.

- О, здоровья желаю! - воскликнул лейтенант лет двадцати.
- Мужики, капитан Розанов пришел! Давайте с нами, мы тут отмечаем... этот. День матери!

- Вижу. Где Ивашкин и почему на телефоне никого нет?
- Поинтересовался я сухо: пускаться в лирику с сопливым лейтенантом мне не улыбалось.

- Ивашкин домой... унесли... - проикал чей-то голос, судя по направлению звука, из-под стола.

- А на телефоне Лена должна быть, - подхватила пухлая выбеленная сержантша. - Она ушла, что ли?

- Это вы у меня спрашиваете? - поинтересовался я.

- Неа, я у них. Наверное, ушла. Ну ладно, щас я выйду, или Костя...

Никто не сдвинулся с места, более того, все, кажется, про меня забыли и принялись доставать из-под столов закуску и раскупоривать бутылки о подоконник. Я постучал костяшками пальцев по двери, привлекая к себе внимание.

- Граждане алкоголики и другие любящие дети, отмечающие день какой-то там матери! Послушайте меня чуток. Я пойду, посижу в дежурке, поищу материалы, а вы пока тут скиньтесь, посчитайтесь или еще как, но чтобы до моего ухода на телефоне этого вертепа появился дежурный. В противном, даже очень противном для вас случае, я завтра так порадую ваше вышестоящее начальство, что вы долго никакой матери праздновать не будете. Уяснили? Ну, я вас жду.

С этим я и ушел, отчасти довольный, что хоть на ком-то удалось выместить свое паршивое настроение. Так-то оно так, но, уличив в непрофессионализме другого, сам лучше не станешь...

Я действительно сделал, как обещал: осел за стойкой дежурки и принялся обшаривать ящики ближайших тумбочек и полки небольшого шкафа-картотеки: я примерно знал, где что обычно хранит Ивашкин.

Пришлось порыться, но в конце концов я нашел, чего искал, и собрался было сходить еще раз припугнуть не спешащую мне на замену пьянь, как вдруг грязный кнопочный те-

лефон ожил, судорожно зазвонив электронным блеющим голоском и замигав лампочкой.

Я снял трубку и сказал в нее:

- Дежурная часть, капитан Розанов, слушаю.

- Сержант Петрова, общая линия, по ноль-два! - крикнула мне сквозь шум недовольная

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.